

СЛУЖИЛОЕ ПЛАТЬЕ МОСКОВСКИХ СТРЕЛЬЦОВ

По изобразительным источникам XVII века

А. Е. Писарев

Шлезвиг-Гольштинское посольство на Суздальском поворье. Гравюра из книги Адама Олеария

В настоящее время наблюдается интерес историков и реконструкторов к «служилому платью» русской пехоты XVII века, в частности московских стрельцов. Однако до настоящего времени не обнаружено ни одного подлинного образца стрельцкого кафтана. Данные письменных источников очень разноречивы, и исследователи вынуждены обращаться к иконографическим, отображающим комплексы предметов, входивших в форму стрельцов, что даёт возможность более точно определить её внешний вид. Цель данной публикации — анализ известных документов, гравюр, миниатюр и пр., на которых представлены московские стрельцы, и на базе этого как можно достовернее воссоздать их «служилое платье», установить его разнообразие и видоизменение.

Самое раннее изображение московских стрельцов XVII века, относящееся к 1610 г., обнаружено на так называемом «Сигизмундовом плане» Москвы, созданном польскими придворными картографами — художником И. Абелином и гравёром Л. Килианом. На нём запечатлены «московские» типы — женская и мужская фигуры в долгополых одеждах и воин с мушкетом и саблей, которого искусствоведы именуют «стрельцом»¹.

Полагают, что в основу этой карты положены русские чертежи, а какими данными пользовались при воспроизведении «московитов» — точно неизвестно. Воин не похож на польских пехотинцев, представленных на рисунках того времени, включая и миниатюры «Стокгольмского свитка»², а по некоторым характерным деталям костюма можно утверждать, что это действительно русский стрелец. Например, шапка с меховым околышем в виде опущенных вниз полей. Такие головные уборы, заимствованные у татар, были широко распространены

в Московии в XVI веке и абсолютно не использовались в Польше, где в моде были шапки-«магерки». Короткий кафтан без нагрудных застёжек-«разговоров» и без воротника трудно однозначно определить как русский, так как аналогичную одежду носили во всей Восточной Европе. Тем не менее польские пехотинцы одевались иначе — длинный нижний кафтан и короткий верхний. Сапоги — типично русская деталь, польские пехотинцы, судя по миниатюрам «Стокгольмского свитка», носили башмаки³. Рукоять сабли может быть интерпретирована как турецкая, тогда как поляки носили сабли польско-венгерского типа с более короткой гардой. Большая пороховница в виде рога совершенно нехарактерна для польских и венгерских «гайдуков», которые пользовались трапециевидными пороховницами европейского типа.

Карту России, изданную Гесселем Герритсом в 1613 году в Амстердаме и более известную как «Борисов чертёж», украшает рисунок, явно заимствованный с «Сигизмундова плана». Все три фигуры

точно такие же, отличие лишь в большем масштабе и цветном решении. Правда, проработка обуви стрельца некачественная, из-за чего создаётся впечатление, что персонаж обут в некие европейские «шоссы».

В конце 30-х годов XVII века голландский гравёр Вильгельм (Виллем или Гильом) Гондиус выполнил чертёж «План осады и обороны крепости Смоленска в 1632–1634 гг.», на котором помимо фортификационных сооружений и польских войск есть ещё и русские войска воеводы Шеина, в том числе пехота, а именно стрельцы, как полагал один из основоположников изучения стрельцкого войска исследователь С. Л. Марголин⁴.

¹ Планы Москвы и карты Московии из собрания Музея истории Москвы. Ч. 1. XVI–XVIII вв. М., 2006. С. 13.

² Zdzislaw Zigulski jun. Bron w dawnej Polsce. Warszawa, 1975. С. 284–285.

³ Квитковский Ю. В. Вь лхто 1612// Армии и битвы № 7, 2007. С. 16–17.

⁴ Марголин С. Л. Вооружение стрельцкого войска. М., 1949. С. 87–94.

Однако Гондиус никогда не посещал Россию и не был очевидцем тех событий. Все батальные сцены сделаны им после окончания Смоленской войны. Поэтому его работу нельзя отнести к достоверным иконографическим источникам для изучения и реконструкции «служилого платья» московских стрельцов.

В книге учёного Адама Олеария о его путешествиях 1633, 1636, 1639 гг., (издания 40-х годов XVII века) московские стрельцы встречаются лишь дважды: на гравюре «Шлезвиг-Голштинское посольство на Суздальском подворье» и на карте Москвы⁵, выполненных профессиональными художниками-гравёрами на основании личных наблюдений и набросков учёного, который сам курировал их работу, помогая устранить неточности. Труды Олеария и иллюстрации к ним были рассчитаны на широкий круг пользователей⁶. В России они выходили в свет несколько раз, до 1917 г. и в советский период, последний раз — в 1993 г. Но дореволюционные издания грешат большим количеством изменений, внесённых в гравюры при перерисовке, а советские включали копии с подлинных рисунков, опубликованных в XVII в., хорошо известных и прекрасно сохранившихся до наших дней во многих библиотечных собраниях.

На гравюре «Шлезвиг-Голштинское посольство...» три стрельца стоят группой. Одеты они в длинное, примерно до колен, верхнее платье, порты, сапоги с голенищами до колен; шапки-«колпаки» у всех одинакового фасона. Очень важно отметить отличительные черты одежды: шапка с меховым околышем, кафтан с воротником, рукава без манжет, кушак отсутствует. Воротник традиционно считают отложным, «шалевидным», но доказать это практически невозможно, ибо на всех фигурах он виден только со спины.

У каждого мушкет, судя по форме ложи — западноевропейский, он либо в руках, либо на плече, а у одного из них — на погонном ремне за спиной. Сбоку на

Чертёж изображения в лицах отпуски стрельцов в судах водяным путём на Разина. (Фрагмент)

поясном ремне — сабля. Снаряжение составляет банделер традиционной конструкции: чрезплечный ремень, к которому подвешены «зарядцы» (фуляры для зарядов пороха) и сумка для пуль, пыжей и фитиля. Пороховниц нет. Кроме сабельных поясов, какое-либо другое кожаное снаряжение отсутствует.

На карте Москвы изображены два русских рядовых пехотинца. Стрельцы это или солдаты полков «нового строя» — однозначно сказать нельзя. В пользу последних говорит вооружение: у одного пехотинца мушкет с подсошком и на боку предположительно шпага с простым эфесом («крыжем»), у другого длинная пика. Интересно, что одеты они по-разному. Первый в длинном кафтане, до середины голени, второй в коротком, до середины бедра, и обут в чулки-«ноговицы» и башмаки-«коты». Кафтаны с отложным воротником, на каждом застёжки-«разговоры», восемь и пять соответственно, манжет на рукавах нет. Головной убор — шапки-«колпаки» с меховым околышем. Непонятно назначение перевязи у солдата с мушкетом. Возможно, художник забыл нарисовать «зарядцы», что вполне вероятно, поскольку допущены ещё погрешности, так, шпага висит в воздухе — нет ни чрезплечного, ни поясного ремня.

На этой же карте, рядом с картушем, куда вписано её название, находится ещё одна фигура пехотинца, очевидно, офицер. На нём длинный, ничем не подпоясанный кафтан с меховым воротником, шапка с меховым околышем и сапоги. Он опирается на топорик, похожий на польский «надзьяк» или турецкий чекан, — знак рангового отличия.

После Олеария русские пехотинцы, включая и московских стрельцов, снова появляются на страницах книг только в начале 1660-х годов, в частности в альбоме А. Мейерберга. Это отнюдь не

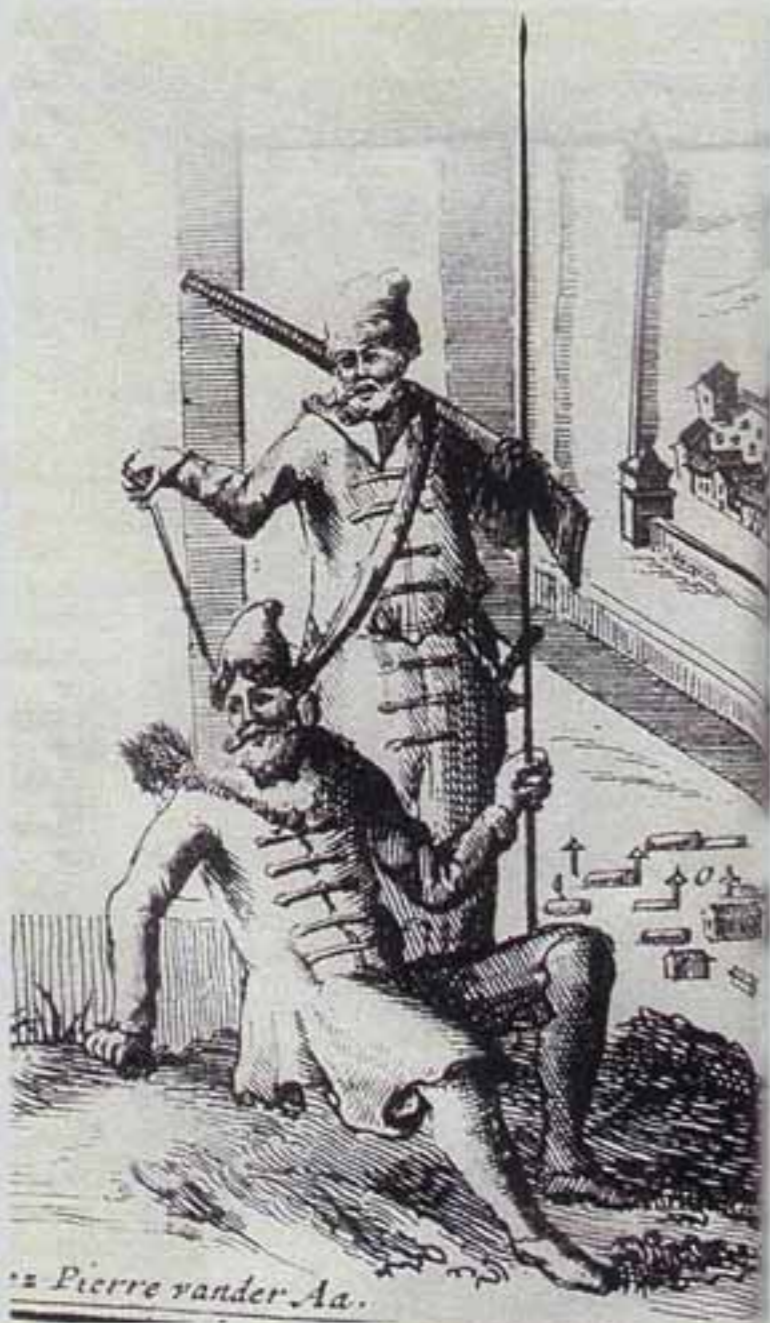
значит, что русских воинов не воспроизводили. Например, в 1654 году мастерами Оружейной Палаты была создана книга «в лицах» о торжественном походе царя Алексея Михайловича против польского короля Яна Казимира. Однако до наших дней она не дошла, как и многое другое.

Август фон Маейрн, более известный как Августин фон Мейерберг, побывал в России дважды, в 1660 и 1661 году, во главе посольства императора Священной Римской империи к русскому царю. Результатом первого посещения стал его труд о России, вторую работу Мейерберг сопровождал альбомом рисунков, который был сделан придворным художником и не предназначался для широкого распространения, что и было не без некоторого хвастовства означено им на титульном листе: «Единственный в мире экземпляр». Мейерберг не ставил перед собой цель изучить Россию, обычаи русского народа и пр. Силезский поляк и ревностный католик, барон был ярким противником русских и православия и в мемуарах, как мог, постарался сотворить образ «дикой, варварской страны». В его свите находились два художника, Иоганн Рудольф Сторн и некий Пюман. Они привезли большое количество карандашных набросков облика русских людей XVII в., гербов, крепостей, церемоний и т. д., которые впоследствии и вошли в альбом, именно рисунки, а не гравюры. В окончательном оформлении, возможно, принимал участие Сторн, его эскизы были помещены без изменений и на некоторых присутствует его имя. Несомненно, за работой наблюдал Мейерберг и,

⁵Планы Москвы и карты Московии из собрания Музея истории Москвы. Ч.1. XVI–XVIII вв. М., 2006. С. 30; О. Журавлёва. «Голова» и «сердце» России. Спор двух столиц // Родина. №1, 2003. С. 33; Орёл и лев. Россия и Швеция в XVII в. Каталог выставки. М., 2001. С. 88.

⁶Олеарий Адам. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарём посольства Адамом Олеарием. М., 1870. С. 10.

Русские рядовые пехотинцы. Рисунок на Карте Москвы, помещённой в книге А. Олеария

«Pierre vander Aa.

Истомин Карион.

Книга любви знак в честен брак.

На рисунках изображены стрельцы: с оружием и знамёнами, барабанщики, трубачи

по-видимому, даже внёс свой вклад, ибо авторство подписей и комментариев ко всем иллюстрациям исследователи однозначно приписывают ему. «В подлиннике все рисунки очерчены пером, а потом слегка оттенены кистью. Воздух раскрашен голубым цветом, а луга и деревья — зелёным. Таким же образом расцвечены и листья, и украшения, находящиеся вокруг некоторых изображений (например, гербов и т. п.), между тем как сам предмет оттенён только чёрной или бурой краской»⁷.

Полностью альбом был опубликован Ф. Аделунгом в 1820-х годах и А. М. Ловягиным в 1870-х. Наиболее правильным и соответствующим оригиналу является второе издание, так как при его подготовке применяли фотографирование подлинников, а не изготовление с них гравюр, как в первом. Позднее альбом Мейерберга переиздавался в 1903 году по

изданию Ловягина. Рисунки из него широко использовались в разных работах по истории России XVII века.

Среди множества сюжетов, которым посвящены страницы альбома, московские стрельцы присутствуют в четырёх: «Стрелец или солдат гвардии»; «Царь в санях» (стрельцы составляют пеший эскорт); «Торжественный въезд посольского кортежа в Москву» (большая масса стрельцов на заднем плане); «Церемония шествия на осляти» (приказы московских стрельцов коленопреклонённые). Рисунки «Стрелец» и «Царь в санях» являются наиболее чёткими и детальными, в основе своей — это эскизы с натуры, незначительно доработанные для альбома, и поэтому представляют большую ценность. Что касается двух других, то они, вероятно, могли быть созданы уже при окончательном оформлении альбома. Такое предположение может иметь место, если учесть, что стрельцы на рисунке «Торжественный въезд...» идентичны фигуре «Стрельца», но выполнены несколько схематично, и это вполне объяснимо тем, что оба австрийских живописца согласно протоколу находились в свите Вильгельма Кальвуччи и Мейерберга и всю церемонию со стороны видеть не могли, а значит, что-то домысливали.

На рисунке «Стрелец»⁸ персонаж одет в кафтан, длиной до середины голени, с большим количеством складок на предплечье и подоле. Установить наличие нагрудных шнурков-«разговоров» нельзя, так как фигура развёрнута в профиль и грудь закрывают ремни снаряжения. Воротник кафтана выписан нечётко, либо он стояче-отложной, либо это небольшая

стойка. Пояс или кушак отсутствует. На голове шапка-колпак с очень маленьким меховым (?) околышем. Сапоги на каблуках. На левом плече стрелец несёт мушкет, в правой руке держит бердыш. На перевязях через левое плечо висит бандалер, через правое — сабля⁹.

Восемь стрельцов на рисунке «Царь в санях» в одинаковых длинных, почти до щиколотки, кафтанах. Трудно определить как форму воротника (стойка или стояче-отложной), так и наличие нагрудных шнурков-«разговоров». Нет ни поясов, ни кушаков. Все без головных уборов. Обуты в сапоги на каблуках. Вооружены только мушкетами. Через левое плечо проходит ремень бандалера. Другого снаряжения нет.

Первая половина 70-х годов XVII в., в отличие от предыдущих десятилетий, необычайно богата изображениями московских стрельцов, выполненными как соотечественниками («Чертёж изображения в лицах отпуска стрельцов в судах водяным путём на Разина», «Книга об избрании на превысочайший престол великого Российского царства великого государя, царя и великого князя Михаила Фёдоровича Всеа Великия Росии самодержца»), так и иностранцами (гравюры из альбома Э. Пальмквиста).

Наиболее ранним, судя по дате, является «Чертёж изображения в лицах отпуска стрельцов...», на котором запечатлён сводный московский стрелецкий «приказ» под командованием головы Ивана Лопатина. Это не эскиз и не набросок, а вполне законченное уникальное художественное произведение русских мастеров-изографов Оружейной палаты, написанное акварелью на бумаге в марте — апреле 1671 г. и существующее в единственном экземпляре. Уникаль-

Реконструированный облик стрельца.
На фото А. Е. Писарев, автор статьи

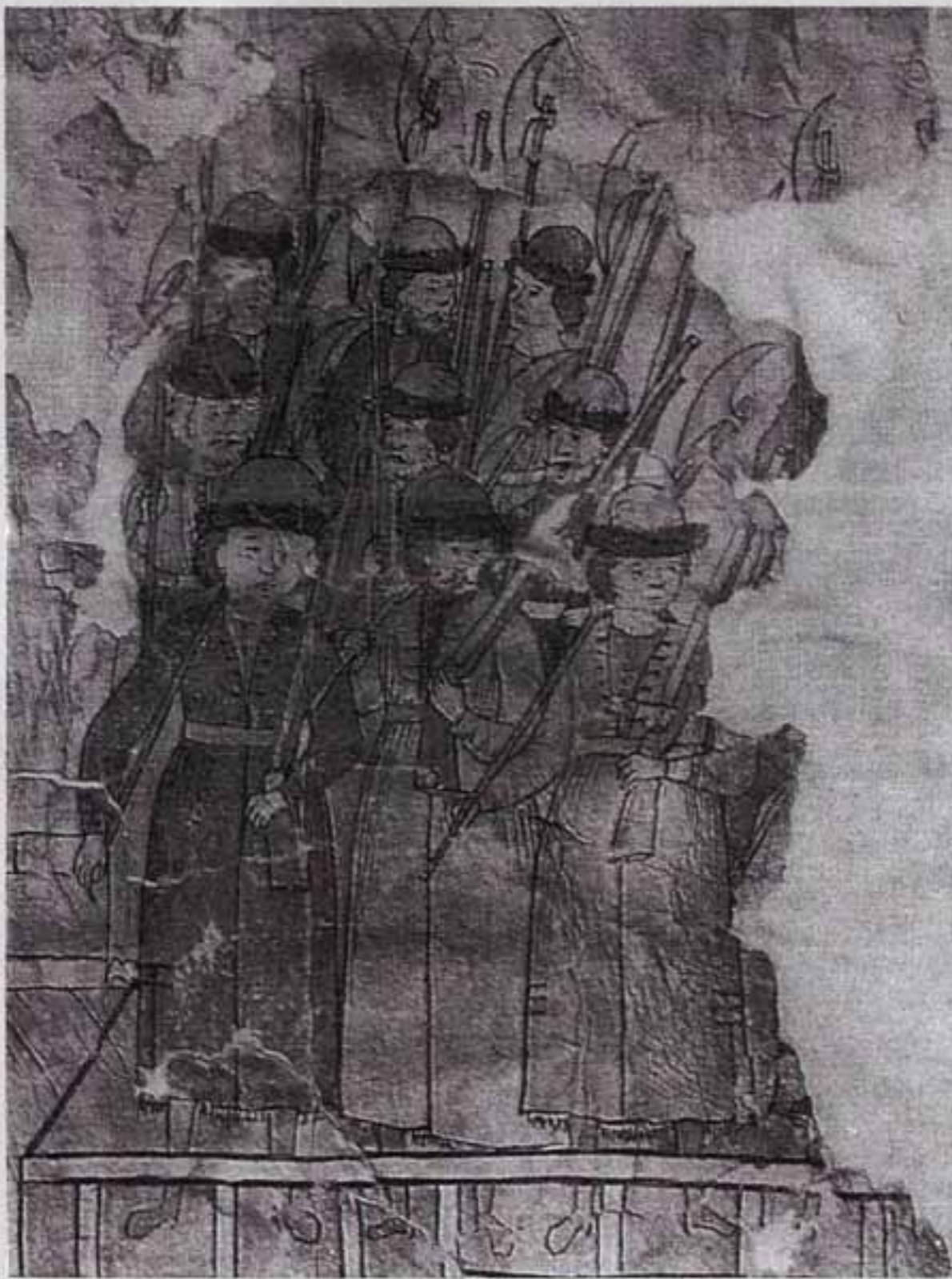

Чертёж изображения в лицах отпуски стрельцов в судах водяным путём на Разина (фрагмент)

Чертёж изображения в лицах отпуски стрельцов в судах водяным путём на Разина (фрагмент)

ность творения в том, что показаны разные чины московских стрелецких приказов, причём не абстрактные образы, а едва ли не портретное отображение конкретных людей. В открытой печати рисунок полностью не воспроизводился никогда. В конце XIX века П. П. Пекарский опубликовал подробное его описание. Позднее были использованы два его фрагмента при составлении многотомного сборника «Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в.», а также помещены фотографии отдельных его частей в статье З. И. Фомичёвой¹⁰. В дальнейшем свыше двух десятилетий он не привлекал внимания исследователей. Лишь в 1991 году Р. Паласиос-Фернандес создал серию графических реконструкций на основании материалов данного источника¹¹, и в 2008 году в книге В. Кибовского «300 лет российской морской пехоте» повторили в цвете фрагменты этого рисунка из работы Фомичёвой.

На стрельцах и их командирах, представленных на «Чертеже изображения в лицах отпуски стрельцов...», «служилое платье» разных вариантов. Кафтаны трёх типов: длиной до середины голени, без воротника, с нагрудными шнурками-«разговорами», с меховым подбоем («шубный кафтан»); длиной до середины голени, со стояче-отложным воротником, без шнурков-«разговоров», с тканевым подбоем; длиной до середины бедра, со стояче-отложным воротником или без него, и без шнурков-«разговоров». Два типа шапок: невысокий колпак с закруглённым верхом и меховым околышем и колпак с отворотом в виде полей, возможно, войлочный или поярковый (очень похож на некоторые разновиднос-

ти татарских или киргизских колпаков). В вооружении также нет единообразия, хорошо видны разные типы бердышей и протазанов. У одних через левое плечо идёт белый ремень бандалера, у других его нет. Кафтаны рядовых стрельцов подпоясаны, однако кинжалов, кошелей, сабель или шпаг нет. Обувь у всех одинаковая — высокие, до колен, сапоги.

В 1672–1673 гг. мастера Оружейной палаты создали для царского обихода один экземпляр «Книги об избрании на превысочайший престол великого Российского царства великого государя, царя и великого князя Михаила Фёдоровича Всеа Великия Росии самодержца». Она сохранилась до наших дней без изменений¹². Во второй половине XIX века появились чёрно-белые перерисовки миниатюр из неё (часть впоследствии была раскрашена), которые оказались не точными копиями, а, скорее, «авторскими версиями», так как были искажены большим количеством внесённых изменений. В открытой печати «Книга об избрании...» полностью никогда не воспроизводилась. Отдельные фотокопии миниатюр широко известны и используются во множестве изданий, посвящённых истории России XVII века, наряду с упомянутыми перерисовками.

Московские стрельцы встречаются в книге трижды. В двух случаях — это монолитный строй пехоты, в третьем — стрельцы в оцеплении торжественной процессии на Соборной площади Московского Кремля. Практически все одеты одинаково. Кафтаны длиной до середины голени, со стояче-отложным воротником, с нагрудными шнурками-«разговорами», с манжетами на рукавах, с тканевым под-

боем (иногда разным по цвету, например, полы и воротник подбиты синим, а подол — жёлтым); порты, сапоги до колен. Вооружены по-разному. На двух рисунках (торжественная встреча царского кортежа на Красной площади и за воротами Москвы) стрельцы с пиками и саблями, на третьем (процессия на Соборной площади) — у них бердыши, мушкеты и сабли. Головные уборы либо отсутствуют, либо надеты пехотные каски голландского типа.

Третий источник начала 70-х годов XVII века — известный альбом Эрика Пальмквиста «Заметки о России», который, как и альбом Мейерберга, не предназначался для широкой публики, а являлся своеобразным отчётом разведчика-нелегала, почему и помещены в нём только карты, планы, гравюры и комментарии. Рисунки Пальмквиста заслуживают доверия, так как, имея хорошее художественное образование, он делал их с натуры, а при изготовлении гравюр

⁷ Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в. Объяснительные примечания к рисункам. Составлены Ф. Аделунгом, вновь просмотрены и дополнены А. М. Ловягиным. СПб., 1903. С. 16, 17.

⁸ Рисунок помещён в альманахе «Армии и Битвы» № 9, 2008, к статье «Бердыши русской пехоты». С. 18.

⁹ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 408–409.

¹⁰ Фомичёва З. И. Редкое произведение русского искусства // Древнерусское искусство XVII в. М., 1964. С. 317–322.

¹¹ Паласиос-Фернандес Р. Московские стрельцы. «Неприменные войска» русского государства XVII в. // Цейхгауз. № 1, 1991. С. 10–11.

¹² Ненарокова И. С. Уникальный памятник книжного искусства второй половины XVII века // Панорама искусств — 4. М., 1981. С. 219.

«Московские» типажи.
Рисунок на Сигизмундов плане.
Художник И. Абелин

осуществлялась только эстетическая правка. Отдельные из них впервые оказались в России в 1840 году и нашли отражение в работе А. В. Висковатова «Историческое описание военной одежды и вооружения российских войск, сделанное по Высочайшему повелению». В полном объёме альбом увидел свет только в 1898 году в Швеции, на русском языке издавался лишь частично. Весь альбом целиком был выпущен в 90-е годы XX века при содействии сотрудников Новгородского музея-заповедника¹³.

Московские стрельцы фигурируют на трёх гравюрах. На самой известной представлен идущий стрелец с мушкетом, бердышом и саблей¹⁴, на другой — четырнадцать стрелецких знаменосцев, на третьей — стрельцы, поддерживающие картуш с названием карты.

Детали «служилого платья» и вооружения московских стрельцов, запечатлённые Пальмквистом, таковы: длинный, до середины голени, кафтан, высокие сапоги на каблуках, шапка в виде высокого колпака с меховым околышем, на руках перчатки

Группа реконструкции «Московские стрельцы». Фото И. Полозовой

с крагами, бердыш с погонным ремнём или без такового, сабля польского типа, хотя система её подвеса на три пасика идентична изображениям в «Книге об избрании...». Воротник хорошо прорисован только на одной из трёх упомянутых гравюр — у стрельца с бердышом, мушкетом и саблей. Традиционно считается, что это воротник-стойка, причём польского типа. Однако можно высказать и другую версию. Следует принять во внимание, что Пальмквист работал над своими рисунками в 1673 году, т. е. в одно время с изографами Оружейной палаты, которые трудились тогда над «Книгой об избрании...» и, значит, отображали одинаковый образ. Поскольку русские мастера показали на кафтанах стояче-отложной воротник, то стоячий воротник на рисунке Пальмквиста логично трактовать как стояче-отложной, но поднятый вверх. Косвенно на это указывает высота воротника (польская стойка ниже) и отвёрнутые в стороны его края, что для стойки несвойственно.

Знаменосцы у Пальмквиста в шапках-колпаках с меховым околышем и разрезом спереди. Возможно, это шапки среднеазиатского или татарского типа с опущенными вниз и застёгнутыми на фиксирующие петли полями, известные по более ранним источникам.

Знаменосцы и стрельцы с картушем одеты в кафтаны с нагрудными шнурками-«разговорами», а идущий стрелец показан в кафтане без шнурков, и даже без пуговиц. Является ли отсутствие этих деталей ошибкой Пальмквиста или отображением реально существовавшего типа одежды — неизвестно.

Завершает иконографический ряд, посвящённый московским стрельцам, цикл рисунков из эпиталамы Кариона Истомина «Книга любви знак в честен брак», написанной к свадьбе молодого Петра Алексеевича и Евдокии Лопухиной и поднесённой адресатам 30 января 1689 года. Эпиталама была создана в одном экземпляре и украшена мастерами Оружейной палаты. В открытой печати её факсимильное издание было предпринято только один раз — в 1989 году и остаётся единственным по сей день¹⁵.

Фигуры, изображённые на Карте России, известной как «Борисов чертёж».

Издана Г. Герритсом в Амстердаме в 1613 г.

На рисунках-аллегориях, помещённых в «Книге любви...», трижды присутствуют военные — трубачи, барабанщики и стрельцы с оружием и знамёнами. «Служилое платье» на стрельцах двух вариантов: кафтаны с отложным воротником длинные, до середины голени, и короткие, до середины бедра. На рукавах тех и других манжеты. Шапки — невысокие колпаки с закруглённым верхом и меховым околышем, обувь у всех одинаковая — сапоги до колена. Вооружение достаточно пёстрое — пики, мушкеты (в одном случае он висит на погонном ремне через плечо), бердыши (удерживаются вместе с мушкетом на плече), сабли, шпаги. Из снаряжения есть только пороховницы в виде рога на поясе.

Итак, на основании анализа ряда источников XVII века, содержащих изображения московских стрельцов, можно заключить следующее: на протяжении всего столетия московские стрельцы использовали «служилое платье» как минимум двух вариантов: короткие и длинные кафтаны с различными деталями и отделкой и несколько видов шапок. Наиболее полно их одежда представлена в иконографических источниках 70-х годов: кафтан до середины голени со стояче-отложным воротником, с манжетами на рукавах и нагрудными шнурками-«разговорами»; кафтан длиной до колен без воротника; кафтан без воротника с меховым подбоем; шапка-колпак с меховым околышем; высокие сапоги на каблуках. Однако точный покрой кафтанов по рассмотренным источникам установить нельзя.

Остальные временные промежутки отражены в стрелецкой иконографии очень скудно, и сделать какой-либо вывод крайне трудно.

¹³Пальмквист Эрик. Некоторые заметки о России, её дорогах, крепостях и границах, сделанные во время последнего королевского посольства к царю Московскому в 1674 г. Новгород, 1993. С. 5–6.

¹⁴Рисунок помещён в альманахе «Армии и Битвы» № 9, 2008, к статье «Бердыши русской пехоты». С. 16.

¹⁵Истомин Карион. Книга любви знак в честен брак. М., 1989. Л. 10, 11, 17.